

РУДНЕВА СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА

**СИБИРСКИЕ ОТПИСКИ
КОНЦА XVI – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII вв.
В АСПЕКТАХ
ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ И ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Сургут – 2010

Работа выполнена на кафедре русского языка и методики его преподавания
ГОУ ВПО ХМАО – Югры
«Нижневартовский государственный гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Баракова Ольга Витальевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Фролов Николай Константинович

кандидат филологических наук, доцент
Попова Лидия Алексеевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Красноярский государственный
педагогический университет
им.В.П.Астафьева»

Защита состоится «10» декабря 2010 года в 15.00 часов на заседании
объединенного диссертационного совета ДМ800.003.02 по защите докторских и
кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО ХМАО-Югры «Сургутский
государственный педагогический университет» по адресу: 628417, г. Сургут, ул. 50
лет ВЛКСМ, д. 10/2, ауд. 224.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Сургутского
государственного педагогического университета по адресу: 628417, г. Сургут, ул. 50
лет ВЛКСМ, д. 10/2.

Автореферат разослан «09» ноября 2010 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Д.В. Ларкович

Общая характеристика работы

Реферируемая работа посвящена рассмотрению структурно-композиционных, функционально-стилистических и типологических особенностей деловых эпистолярных документов в аспектах исторической стилистики и лингвистики текста. Исследование выполнено на материале отписок деловых эпистолярных текстов (ДЭТ) конца XVI – второй половины XVIII вв. В указанный период «с одной стороны, происходит рост и упорядочение законодательной базы, основ приказной культуры в целом и ее языка, а с другой – синтез традиций, поиск новых путей развития подьяческой словесности, расширение ее функций» [Пикитин 2004:151].

Актуальность темы обусловлена перенесенностью в отечественном языкознании проблем статуса делового эпистолярного и его эволюции; необходимостью дополнения и уточнения немногочисленных работ, посвященных проблемам классификации делового эпистолярного и стилистики ДЭТ с их типологическими признаками, вопросам о месте ДЭТ в стилистической системе русского языка. Выбор ДЭТ отписок для лингвистического анализа отвечает запросам современной антропоцентрической парадигмы.

Сибирские отписки конца XVI – второй половины XVIII вв. представляют собой не исследованный в историко-стилистическом и лингвотекстологическом плане материал. Данная работа является одной из первых, в которой предложено многоаспектное описание ДЭТ отписок.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые интегрирован подход к изучению ДЭТ отписок с позиций исторической стилистики и лингвистики текста, соответствующий современному научному осмыслению региональных текстов прошлого; установлена специфика жанра отписок конца XVI – второй половины XVIII вв.; предложена система функциональных и типологических признаков (текстовых категорий) ДЭТ отписок, способы их репрезентации в эпистолярных документах; обобщены сведения об уровне стандартизации формуляра ДЭТ сибирских отписок конца XVI – второй половины XVIII вв., в том числе ранее не опубликованных.

Теоретическая значимость работы состоит в дальнейшей разработке проблем исторической стилистики и лингвистики текста: в определении жанровой дифференциации деловой речи, в том числе эпистолярной; в представлении системы текстовых категорий в ДЭТ; в совершенствовании методологии описания единиц делового эпистолярного в аспектах исторической стилистики и лингвистики текста. Историко-стилистическая и текстологическая интерпретация деловых документов (отписок) позволяет восполнить некоторые пробелы в определении статуса ДЭТ, в том числе регионального, а также обозначить общерусские тенденции в его структурно-семантическом оформлении.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в вузовской практике: при разработке курсов по истории русского литературного языка, спецкурсов и спецсеминаров по лингвистике делового текста, исторической стилистике, лингвистическому источниковедению, лингвистическому краеведению. Вводимые в научный оборот сибирские отписки конца XVI – второй половины XVIII вв. пополняют фонд текстов региональных лингвистических источников. Основные выводы исследования могут найти отражение в работах по истории русского литературного языка, исторической стилистике, лингвистике текста.

Объект исследования – деловые эпистолярные тексты отписок конца XVI – второй половины XVIII вв. сибирской, центральной и южной территорий Московского государства XVI – XVII вв., с XVIII в. – Российского государства.

Предмет исследования составляют основные единицы жанровой структуры (формуляр, блоки, формулы), а также функциональные и типологические признаки (текстовые категории) ДЭТ отписок конца XVI – второй половины XVIII вв. и система их языковых репрезентантов.

Цель работы – охарактеризовать жанрообразующие признаки отписок конца XVI – второй половины XVIII вв. как разновидности делового эпистолярного: описать структуру, формуляр, типологический набор признаков (текстовые категории) ДЭТ отписок и систему их языковых репрезентантов.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. Определить жанрообразующие признаки сибирских отписок, установив внешне- и внутритекстовые параметры, дающие основание для квалификации данных документов конца XVI – второй половины XVIII вв. как ДЭТ.

2. Рассмотреть типологию отписок с учетом поставленных адресантом коммуникативных целей, специфической текстовой модальности и структурно-композиционной организации ДЭТ.

3. Выявить типовую структуру ДЭТ отписок и охарактеризовать закономерности организации формуляра с типологическим набором блоков содержания и формул с их языковым наполнением.

4. Представить в ДЭТ отписок систему текстовых категорий (ТК) и систему их языковых репрезентантов.

Материалом исследования послужили 1045 отписок (около 3480 листов) таких территорий, как: Тобольский, Тюменский, Мангазейский уезды, Обдорский край, Бурятия (Сибирская губерния); центральная территория с приказами во Владимире, Суздале, Шуе, Муроме, Рязани; южная территория с приказами в Ельце, Воронеже, Орле, Белгороде, Курске:

1) 178 отписок из фондов РГАДА (1571 – 1732 гг.); 2) 246 отписок (1585 – 1634 гг.) местного делопроизводства из «Актон Московскаго государства, изданные Императорскою Академіею наукъ. Подъ редакціею Н.А. Попова, члена-корреспондента Академіи» (СПб., 1890, Т. 1–2); 3) 27 отписок (1611 – 1699 гг.) из издания «Акты, относящиеся до Юридическаго Быта Древней Россіи. Подъ редакціею члена коммисіи Николая Калачова» (СПб., 1864, Т. 2); 4) 388 отписок (1600 – 1660 гг.) из издания Г.Ф.Миллера «Исторія Сибири» (Второго, дополненнаго, под ред. С.И.Вашштейна, Е.П.Батяновой, РАН, 2000, Т. 2,3); 5) 17 отписок (1625 – 1626 гг.) из издания «Тобольскій архіерейскій домъ въ XVII веке. Исторія Сибири. Первонсточники» (Под ред. Н.Н.Покровскаго, Е.К.Ромодановской, РАН, 1994); 6) 22 отписки (1592 – 1594 гг.) из издания «Новые документы о Россіи конца XVI – начала XVII веков. Исторія Сибири. Первонсточники» (Г.Н.Аннилогов, РАН, 1967); 7) 31 отписка (1618 – 1662 гг.) из издания «Обдорскій край и Мангазья въ XVII веке» (Сборник документов XVII в. – Екатеринбург, 2006); 8) 58 отписок (1609 – 1688 гг.) из «Сборника документов по исторіи Бурятіи. XVII век» (Вып. 1, сост. П.Г.Румянцев, С.Б.Окунов, 1960); 9) 27 отписок (1593–1619 гг.) из издания «Памятники южно-восточнаго наречія. Конецъ XVI – начало XVII вв.» (Под ред. С.И.Коткова, РАН, 1990); 10) 19 отписок (1618 – 1692 гг.) из издания «Памятники деловой письменности XVII века. Владимірскій край» (Под ред. С.И.Коткова, РАН, 1984).

Впервые привлечены к исследованию скорописные тексты 34 отписок из Государственного архива Тюменской области (Тюменская воеводская канцелярия); первая отписка датирована 1660 годом, последняя – 1768 годом.

Хронологические рамки исследования ДТГ отписок – с 1597 по 1768 гг. В период активного освоения Сибири деловое эпистолярное общение было важным, а порой единственным связующим звеном в коммуникации центральной власти (царя) с местными учреждениями (воеводами). Дистантное руководство посредством эпистолярной коммуникации (отписок) осуществляло контроль, координацию деятельности и информирование органов власти снизу – вверх.

Методологические подходы в диссертации согласуются с известными методиками анализа делового текста, разработанными В.Я.Дерягиным [1980] (единицами лингвотекстологического анализа являются формулы), С.С.Волковым [1980] (формуляр документа представлен начальным и конечным протоколами, казусно-просительной частью), О.В.Бараковой (деловые тексты рассматриваются как по.псеубтекстовые структуры с типовым набором формул), Н.В.Викторовой-Глухих [1994, 2008] (квалифицирует деловые тексты эпистолярной формы разной коммуникативной направленности), И.Р.Гальперниным [1981] и Т.В.Матвеевой [1990, 2006] (текстовые категории – объекты исследования с позиций лингвистики текста).

Объект и предмет исследования предопределили выбор **методов и приемов** описания лингвистического материала: источниковедческий метод, метод формулярного анализа, описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, метод моделирования; прием количественного анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Отписки конца XVI – второй половины XVIII вв. представляют собой особый жанр ДТГ, актуализирующий типовые коммуникативные задачи деловой переписки: информирование адресата, побуждение к действию, придание юридического статуса какому-либо событию. Жанрообразующими признаками отписок являются коммуникативная целеустановка, самоназвание документа, модальность текста (отношение содержания текста к предметной ситуации (сфера использования)), образ адресанта и образ адресата, формулярная организация ДТГ.
2. Деловой эпистолярный отписок представлен пятью типами: сопроводительные отписки, отписки-сообщения, отписки-реакции, отписки-инициаторы, отписки смешанного типа. Каждый тип отписки характеризуется особой коммуникативной целью, текстовой модальностью, спецификой взаимоотношения адресанта и адресата и особой структурно-композиционной организацией ДТГ.
3. Формуляр ДТГ отписок представлен типовым набором трех блоков: начальный блок (заголовок с самоназванием, начальный протокол); блок основного содержания (БОС); заключительный блок (конечный протокол, регистрация (если есть)). Каждый блок строится по определенным моделям и включает типизированный (инвариантный) набор формул и систему особых языковых репрезентантов. Тип отписки, наличие в ДТГ перформативов и перформативных сочетаний, синтаксические конструкции различной лексико-грамматической устойчивости (клишированные сочетания (КС), клишированные словосочетания (КСЛ), клишированные синтаксические конструкции (КСК)) определяют специфику содержания документа.
4. Текст сибирских отписок конца XVI – второй половины XVIII вв. – специфический текст дистантного типа коммуникации, характеризующийся системой

взаимобуловленных типологических признаков (ТК). В соответствии с реализацией интенции коммуникации ТК репрезентируются языковыми единицами. Большая степень модальности отличает отписки-инициаторы и отписки-реакции. Наиболее информативными являются отписки смешанного типа. Диалогичность присуща всем типам отписок.

5. К концу XVIII вв. наблюдается структурно-смысловая избыточность ДЭТ отписок. «Нагромождение» формул в моделях, индивидуальные интенции адресанта способствуют «размытости» и «затемненности» жанровой семантики отписок, что приводит к диссиметрии жанра, т.е. к его разрушению, в конечном счете, к изменению его статуса в рамках сложившихся эпистолярных традиций. ДЭТ отписок становится открытым для меж- и внутрижанрового взаимодействия. Отписка исчезает как жанр и трансформируется в другие разновидности документов.

6. Модификация блоков отписок обусловлена жанрово-стилистической динамикой отписок и отражает процессы нормирования русской деловой речи.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в докладах и сообщениях на 8 научных конференциях и конгрессах: на Международной межвузовской научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики» (Сургут, 28 марта 2008 г.; на Всероссийской научно-практической конференции «Социально-экономические, правовые и культурно-исторические аспекты развития нефтегазового региона» (Нижневартовск, 18 апреля 2008 г.); на XII краеведческой конференции «Шатиловские чтения» (Нижневартовск, 5 ноября 2008 г.); на Международной научной конференции «Гуманитарная наука сегодня» (Караганды, 2 марта 2009 г.); на Международной межвузовской научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики» (Сургут, 27 марта 2009 г.); на IV Международной очной научной конференции «Русский язык: система и функционирование» (Минск, 5 – 6 мая 2009 г.); на Международной научной конференции «Изменяющийся славянский мир: новые решения в когнитивной лингвистике» (Кемерово, 3 – 5 июля 2009 г.); на II Международном конгрессе «Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в поликультурном контексте Евразии» (Астана, 1 – 3 октября 2009 г.).

Объём и структура диссертации определяются целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав (явления, рассмотренные с теоретических позиций в первой главе работы, проиллюстрированы примерами в главах аналитического характера – второй и третьей), заключения, библиографического списка, включающего 274 наименования, списка источников и их сокращений, приложения №1 «Типология отписок и их языковые характеристики», приложения №2 «Транслитерированные тексты отписок Тюменской воеводской канцелярии второй половины XVII – второй половины XVIII вв.».

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются цель и задачи, излагаются методы, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Проблемы лингвистического изучения делового эпистолярного конца XVI – второй половины XVIII вв. с позиций современных подходов к тексту» состоит из трех параграфов.

Первый параграф «Деловой эпистолярный в аспекте исторической стилистики» посвящен характеристикам делового эпистолярия (предмету многочисленных polemic) как особым образом организованным текстам.

Терминологический аппарат исследования ДЭТ до настоящего времени остается неупорядоченным (*эпистолярный текст, эпистолярный контекст, эпистолярный ряд, эпистолярный стиль, эпистолярный жанр, эпистолярный дискурс, эпистолярная речь, эпистолярная форма*). Эпистолярный трактуется как стиль, как жанр (традиционное направление) и как речевой жанр и дискурс (новейшие направления) [Шмелева 1997; Чигридова 1999; Лесонтьев 2000; Курьянович 2002; Седов 2004], как «особый тип текста» [Нижникова 1991]. ДЭТ рассматривается как специфический жанр (разновидность того или иного функционального стиля) [Кожина 1977; Нижникова 1991]; как синтез различных жанров [Степанов 1926; Прохоров 1964]; как речевой жанр [Белунова 1996, 2000; Матвеева 1987], как «типержанр» [Фесенко 2008].

Термин *эпистолярный стиль*, занимая особое место в системе функциональных разновидностей русского языка [Щерба 1939; Ефимов 1954; Бельчиков 1970; Кеца 1971; Протопопова 2006], до сих пор не раскрыт. Оснований для выделения эпистолярного стиля в качестве функционального недостаточно [Протопопова 2006: 632]. Признаки функционального стиля подменяются признаками жанра [Фесенко 2008]. Являясь формами воплощения стилей, жанры непосредственно реализуются в конкретных текстах. Понятие жанра должно стать «инструментом» при изучении ДЭТ.

Исследователи эпистолярного текста анализируют жанрово-стилевую специфику эпистолярия, его структуру, особенности функционирования языковых единиц разного уровня: специфику эпистолярных текстов [Бегузня 1984; Боголюбовский 1987 и др.]; письмо как тип текста [Кухаренко 1990; Нижникова 1991 и др.]; различные типы писем [Степанов 1926; Григорьева 1981; Казеко 1984 и др.]; эпистолярное наследие писателей [Кусова 1998; Логанова 1999; Шевцова 2004; Вяткина 2007; Фесенко 2009]; дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX веков [Белунова 1996, 2000]; особенности культуры речи в эпистолярном определенной эпохи [Бухаркин 1982; Измеев 2002 и др.].

Документы деловой переписки стали объектом исследований с лингвистико-социологических позиций [Котков 1972; Качалкин 1972; Дерягин 1973; Сумкина 1981; Тарабасова 1986; Кыркунова 1994; Глинкина 1995, 1998; Викторова-Глухих 1994, 2008; Новоселова 1996 и др.]. Более чем сорокалетнюю историю имеет лингвистическое изучение деловых (челобитные, памяти и т.д.) и частно-деловых (прамогки) писем.

В жанровой классификации письменных памятников позиция делового эпистолярия до сих пор не определена [Котков 1972; Качалкин 1972; Васильева 1977; Волков 1980; Сумкина 1981; Багрянцева 1986; Тарабасова 1986; Собиинникова 1987; Полякова 1990; Викторова-Глухих 1994, 2008; Городилова 1998; Кортова 1998; Рудозуб 1999; Коносов 2000; Чердынченко 2002; Трофимова 2002; Баракова 2003; Майоров 2006 и др.].

К критериям жанровой интеграции относятся такие прагматические переменные, как самоназвание и назначение документа (авторская интенция и общая специфика его социального функционирования); определенный статус коммуникантов и характер их взаимоотношений; смысловая структура текста, в

которой вступительная, основная и заключительная части соотносятся согласно способам языкового выражения текстового содержания документа.

Жанр документа *отписка* характеризуем как особый тип документа служебной переписки эпистолярной формы. Жанрообразующими признаками сибирских отписок конца XVI – второй половины XVIII вв. считаем следующие: 1) коммуникативная целеустановка; 2) самоназвание документа; 3) модальность текста (отношение содержания текста к предметной ситуации (сфера использования)); 4) образ адресанта и образ адресата; 5) формулярная организация делового эпистолярного текста. В аспекте исторической стилистики анализ ДТ отписок осуществляется от целого к его частям (блокам) с учетом соотношения жанровых установок со стилиобразующими средствами в условиях деловой коммуникации.

За последние десятилетия выработаны и являются ведущими методики описания делового документа, его структуры и формуляра, предложенные С.С.Волковым, В.Я.Дерягиным. Описание структуры акта и его формуляра дает возможность выделить постоянные, повторяющиеся из документа в документ части, определить номенцифических языковых средств – устойчивых предложений, штампов, клише (КС, КСЛ, КСК), которые используются в каждой части формуляра [Фалина 2000; Пулежкова 2001]. *Формуляр, блок, формула* – базовые термины при описании ДТ отписок: «Формуляр – это языковая оболочка (набор устойчивых и обязательных формул – словосочетаний и предложений), в которую облекалось содержание акта и которая отличала данный акт от иных, имеющих близкое или аналогичное содержание, но совсем другую цель» [Волков 1980: 14]; *блок* – «законченная в смысловом отношении часть документа, выполняющая строго определенную функцию» [Викторова-Глухих 1994: 8]; *формула* – фразеологизм номинативного и коммуникативного характера, а также словосочетание, синтаксическая конструкция (модель предложения) с более или менее постоянным лексическим составом [Дерягин 1980]. В формуляре в конкретных формулах закрепляется модальное значение жанра.

Данная работа выполнена в русле современных интегрированных подходов в описании деловых документов [Глухих 2008; Выхрыстюк 2008; Голованова 2008].

Во втором параграфе «*Деловой эпистолярный с позиций лингвистики текста*» предлагаются теоретические обобщения по проблемам определения категорий текста и их классификаций.

Деловой эпистолярный текст (или текст делового эпистолярного содержания) – текст эпистолярной формы, используемый в определенной сфере общественной жизни, социальной коммуникации и характеризующийся типологическими признаками – текстовыми категориями, обеспечивающими реализацию авторского замысла; имеющий структурно-логическое оформление и обладающий определенными функционально-стилистическими и жанровыми характеристиками.

Текстовой категорией считаем «единицу анализа текста, несущую в себе основные свойства целого, а именно целенаправленность и композитивность. Каждая ТК воплощает в себе смысловую линию текста, выраженную группой языковых средств, особым образом организованной в относительно внутритекстовую целостность» [Матвеева 2006: 534].

Учитывая современные подходы в исследовании проблем текстовых категорий [Гальперин 1981; Новиков 1983; Ильенко 1988, 2003; Кожина 1986, 1989, 2008; Гураева 1979, 1988, 2009; Чернухина 1987; Матвеева 1990, 2003, 2006; Папина 2002; Котлярова 2006; Иванова 2006; Дускаева 2006; Глухих 2008 и др.], в ДТ отписок

выделяем следующие ТК: *ТК информативности и акцентности; ТК диалогичности; ТК времени, пространства и хронотопа; ТК цельности, связности; ТК модальности.*

Каждая типологическая ТК в ДЭТ отнесен представлена системой репрезентантов. ТК информативности влияет на содержание, оформление и понимание документа и представлена системой репрезентантов, раскрывающих назначение информации, ее фактологическую точность и своевременность (реализуются в определенных типах речи (сообщение, описание, рассуждение), в фоновой и новой информации). ТК акцентности, актуализируя цели деловой коммуникации, представлена репрезентантами через факторы уточнения, усиления, оценки, категоричности / некатегоричности, активизации внимания коммуниканта. ТК диалогичности позволяет соотнести позиции субъектов деловой переписки при помощи особых репрезентантов (прямая и косвенная речь; словосочетания и предложения, передающие источник сообщения; указательные местоимения; ссылки, сноски). Состав коммуникантов (адресантов и адресатов) определяет единое диалогическое пространство документа. ТК времени передает реальные факты и события, реальное время; ТК пространства – географию ДЭТ (топонимы, локативные характеристики, темпоральные лексемы и словосочетания). ТК хронотопа определяет взаимодействие коммуникантов во времени и пространстве и представлена типами хронотопов разных моделей («я (мы) – здесь – сейчас», «я (мы) – здесь – тогда», «я (мы) – здесь – потом»). Структурно-семантическая и функционально-стилистическая целостность эпистолярия обеспечивается ТК цельности и связности – универсальной типологической категорией – (репрезентанты – средства внутритекстовой связи, реминисценции и т.д.). ТК модальности (тональности) зависит не только от содержания документа, но и от социальной роли коммуниканта, его волевых и эмоциональных интенций (репрезентанты – эмоционально-экспрессивная лексика, суффиксы субъективной оценки, глаголы сослагательного наклонения в значении повелительного наклонения).

В третьем параграфе «*Отписки конца XVI – второй половины XVIII вв. как объект историко-лингвистических исследований*» представлены итоги изучения отписок историками и лингвистами.

Отписки в системе документных жанров существовали в период приказного и коллегияльного делопроизводства – с конца XVI века до конца XVIII века. Оформление эпистолярного стиля в государственной переписке происходит в эпоху Московского государства [Балакай 2002]. Специфика оформления формуляра документов связана с типом канцелярии: 1) документы приказной канцелярии (в конце XVI века отписки появляются как эпистолярный документ); 2) документы коллегияльного делопроизводства (во второй половине XVIII века отписка исчезает из документной системы). В современных словарях русского языка термин *отписка* определен в значении, противоположном первичному («*Отписка. Бессодержательный, формальный отчет на что-то, не затрагивающий существа дела. Канцелярская о. Отделываться пустыми отписками*» [ТСРЯ 2008: 594]).

Отписка – документ служебной переписки между местными канцеляриями, духовными учреждениями, а также между местными учреждениями и вышестоящими центральными учреждениями. Это был массовый документ в документообороте. Нам определена первая датированная *отписка* в «Актах Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук. Томъ I. Разрядный приказ. Московский съездъ. 1571–1634» (под редакцією Н.А.Попова, члена- корреспондента Академіи): № 30-й. 1585 года. *Отписка великаго князя*

*Симеона Бекбулатовича о посылкѣ имѣ по государеву указу дѣтей боярскихъ в Поволжскѣ на службу въ Великій Новгородъ, съ приложеніемъ списка ихъ. В Соборном Уложении 1649 г. отмечено появление нового документного жанра *отписки* (X 119) наряду с такими, как «выпись (XI 15, 30), расписка (X 103, 104), сказка (X 123), явка (X 194, 251, XX 29, X XI 77) и др.» [Качалкин 1988: Ч.II: 87]. Данный вид документа просуществовал около двух столетий и завершил свой путь в документообороте Российского государства во второй половине XVIII века, трансформировавшись в новые документные жанры с более узким функционалом: *рапорты, доношения (донесения), отчеты, реляции, экзекуции*.*

Первым открыл для науки этот важный источник профессор права Санкт-Петербургского университета И.И.Дитятин [Дитятин 1883: 84 – 100]. Отписки остаются ценным историческим источником [Готье 1909; Кабанов 1910; Никольский 1928; Черешин 1928; Абрамов 2003; Булгаков 2003]. Историки рассматривают отписки как документы организационно-распорядительной и учетной документации, материалы текущего делопроизводства между государственными учреждениями страны. На материале отписок (с конца XIX века) ими предложены выводы о хозяйственно-экономической и социально-культурной значимости регионов государства.

Языковеды к данному лингвистическому источнику обратились значительно позже (в XX веке). Отписка как документ ими относится к деловой эпистолярной письменности, эпистолярной переписке, официально-деловой, частно-деловой переписке. Лингвистами в немногочисленных работах предложены обобщения стилистического характера ДТ отписок [Качалкин 1980; Рудозуб 1999; Никитин 2004; Городилова 2004; Косов 2004; Майоров 1987, 2006]. Однако комплексному лингвистическому анализу отписки как жанр делового эпистолярия не подвергались.

Глава вторая «Формуляр и языковое оформление сибирских отписок конца XVI – второй половины XVIII вв.» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «*Типы отписок и их структура*» дается классификация типов сибирских отписок (с привлечением отписок центральной и южной территорий): сопроводительные отписки, отписки-сообщения, отписки-реакции, отписки-инициаторы, отписки смешанного типа.

Представленность типов отписок по территориям различна. Значительно количество отписок-реакций: в Тюменской воеводской канцелярии – 35%, в Тобольском архиепископском доме – 31%, в южных территориях – 23%, в центральных территориях – 25%. Отписок-инициаторов больше в документах центральной (50%) и южной (48%) территорий. Самое большое количество сибирских отписок – отписок смешанного типа. Менее представлены в сибирском эпистолярном сопроводительные отписки (в Тобольском архиепископском доме не обнаружены).

Специфику ДТ отписок определяет система классификационных признаков: 1) *тематический* (определяющий содержание письма); 2) *функциональный* (влияющий на назначение письма и характер воздействия на адресата); 3) *векторный* (указывающий на направление коммуникации); 4) *социолингвистический* (представляющий коммуникантов и отражающий социальный характер общения). Сибирские отписки рассматриваемого периода в большинстве своем по тематичности, реже – монотематичные; по управленческой функции – отчетные (отписки-сообщения, отписки-реакции), организационно-распорядительные (отписки-инициаторы), сопроводительные отписки; по направлению коммуникации – поданные по вертикали власти (снизу-вверх на имя царя), по горизонтали власти

(коммуниканты социально равноправны); отправленные одним адресантом или группой адресантов на имя царя или не на имя царя.

Каждый тип отписок характеризуется особой коммуникативной целью и специфической текстовой модальностью, типом взаимоотношения субъектов речи (адресант и адресат) и типовой формулярной организацией ДТТ. Отписки-сообщения информируют вышестоящего по вертикали адресата о прошедших событиях; отписки-реакции содержат ответ (отчет) на определенное распоряжение; цель отписок-инициаторов – убедить адресата в необходимости предпринять или выполнить определенные организационно-распорядительные действия в будущем, или адресант по собственной инициативе принимает решение; отписки смешанного типа объединяют в себе три основных типа отписок (отписки-инициаторы, отписки-сообщения, отписки-реакции) и реализуют одновременно три коммуникативных цели последних.

ДТТ отписок имеют синкретичный характер, так как совмещают признаки письма и документа. В отписках фиксируются жанро- и стилообразующие средства, объединяющие и формирующие стилевые черты данного типа документа: отвлеченность, императивность, точность, определенность (отписки-сообщения, сопроводительные отписки) и реальную экспрессивность (эмоциональную, оценочную, экспрессивно-прагматическую) в отписках-реакциях, отписках-инициаторах.

Типы адресантов и адресатов в отписках могли быть коллективными (кроме сопроводительных отписок) и личными, официальными, равноправными и неравноправными.

Каждый тип отписок характеризуется формулярной организацией ДТТ (рассмотрено 3135 блоков). Формуляр отписок включал: 1) *начальный блок* (заголовок с самоназванием, начальный протокол); 2) *блок основного содержания*; 3) *заключительный блок* (конечный протокол, регистрация документа (если есть)).

Членность ДТТ отписок на блоки и последовательность этих блоков в формуляре документа считаем универсальной текстовой категорией. Континуально блоки объединены общим смыслом и связаны между собой. Каждый из блоков занимает определенную позицию, характеризуется системой репрезентантов (эксплицитируются лексико-грамматическими средствами различной степени устойчивости: КС, КСЛ, КСК). Блоки строятся по определенным моделям и допускают широкое варьирование языковых средств. Охарактеризованные нами три блока типичны для жанра отписки.

Во втором параграфе «*Начальный блок отписок (заголовок с самоназванием, начальный протокол)*» рассмотрена инвариантная модель начального блока, которая включает формулы: дата + самоназвание + место доставки (указывается только в отписках по вертикали власти) + от кого + кому (указывается только в отписках по горизонтали власти) + о чем. Например, начальный блок отписки по вертикали власти: *1651 г. не ранее ноября 16. – Отписка в Москву тобольского воеводы Василия Шереметова с товарищами о нападении татар...*[ИМ. Т.3, С.357; ИФА РАН. ф. 21, оп. 4]; начальный блок отписки по горизонтали власти: *1653 г. августа 23. – Отписка верхотурского воеводы Льва Измайлова тобольскому воеводе князю Василию Хилкову о размежевании земель...*[ИМ. Т.2, С.625; ААН. ф. 21, № 2]. Заголовок с самоназванием выделен во всех типах отписок, однако в сибирских отписках заголовок начинается с обозначения даты, тогда как в отписках других территорий – с самоназвания. Дата в сибирских отписках представлена 11 моделями

(продуктивные 2, 3, 10). В отписках Бурятии выделены три новые модели в обозначении даты. В отписках Тобольского архиепископа выявлена модель, не встречающаяся на других сибирских территориях: год + предлог *между* + месяц (существительное в творительном падеже) + число + союз *и* + месяц (существительное в творительном падеже) + число.: *1625, между мая 29 и июня 24, – Отписка архиепископа Макария царю Михаилу Федоровичу о приезде в Тобольск и составлении перетисных книг Софийского архиерейского дома* [ГАД, С.222 – 231].

В сибирских отписках самоназвание находится в середине начального блока, в отписках других территорий – открывает начальный блок. В инвариантной формуле, обозначающей место доставки отписки, во всех сибирских отписках обозначено «в Москву» (то есть на имя царя), тогда как в отписках Тобольского архиепископа данную формулу заменяет этикетная формула обращения к царю («*Царю Михаилу Федоровичу*»). В отписках центральной и южной территорий не содержится информации о том, кому отправлен документ; наименование адресата отсутствует, но, как правило, указывается на место проживания адресанта.

В типичной модели начального протокола ДУГ отписок (*государю... + холоп твой (холопи твои) + челом бьет (челом бьют)*) выделяются: а) адресат – косвенное дополнение в дательном падеже; б) адресант – подлежащее; в) челобитье – сказуемое. Например: *Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси холопи твои Гришка Куракин, Михалко Гадарин челом бьют* [ИМ, ИФА РАН, ф.21, оп. 4, д. 2]. Типы адресатов представляют: одно лицо царской особы или лицо, управляющее местным учреждением; несколько лиц одного социального статуса («...с товарищи») или несколько лиц одного социального статуса с дополнительным указанием на ответственное лицо за составление документа (дьяк, подьячий), например «...холопи твои Рафко Всеволожский, подьячий Гришка Жданов челом бьют» [ИМ, Т.3, С.345; ИФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2]. Формулы обращения к воеводам были инвариантны и включали двучленную антропонимическую модель. По горизонтали власти формула обращения к воеводам, как правило, была свернута («Гсдину ...»). Формула адресанта в начальном протоколе оформлялась именем собственным в именительном падеже. Типы адресантов в ДУГ отписок по горизонтали власти – одно лицо или несколько лиц одного социального статуса. В формулах адресанта на имя царя указываются демиинутивы (*Гришка* Куракин, *Иваншко* Переносов и др.) и КСЛ *холопи твои, холоп твой*: «...холопи твои Иваншко Шеховской, Максимко Радцов челом бьют» (*толские воеводы. – С.Р.*) [ИМ, ААН, ф. 21, оп. 4, №17]. Ср.: в челобитных – *развернутая формула адресата*: «...бьют челом холопи твои, енисейские служивые людшка десятишка Сенка Родюков, Петрушка Понкратов, Иваншко Понкратов, Костянтишко Данилов с товарищи тридцать человек» [ИМ, Т.3, С.165; ИФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22]. Только в отписках центральной и южной территории по вертикальному вектору власти выявлена развернутая формула адресанта, включающая КСЛ «холоп твой» и указания на место жительства и социальный статус лица: «...холоп твой суздатской убои / староста Симряно Кашмеров челом бьет» [ИВ, С.221; ИГА/А, ф. 396, оп. 1].

Во всех типах сибирских отписок по горизонтальному вектору власти отмечаем формулу адресата и адресанта: адресат – всегда двучленная антропонимическая модель (имя и отчество), адресант – двучленная антропонимическая модель (имя и фамилия): «*Господишу Прокотию Федоровичу Федор Мяхинин челом бьет*» (*енисейский воевода П.Ф.Соковкин, красноярский воевода Ф.Мяхинин – С.Р.*) [ИМ, Т.3, С.503; ААН, ф. 21, оп. 4, № 22]. В отписках центральной территории по

горизонтальному вектору власти выявлена формула адресанта, включающая указание на место проживания и социальный статус адресанта в уничижительной форме: «...деревни Родников старостинико Петршка Ларишнов челом бьет» [ПВ, С.222; ГБЛ, ф. 67, №2].

Сказуемое *челом бьет* (*бьют*), завершая начальный протокол отписок, имеет строго фиксированный порядок (ср.: в челобитных сказуемое стоит в середине предложения и имеет порядок слов *бьет* (*бьют*) *челом*). На каждой территории сложились свои инвариантные формулы оформления модели начального протокола.

В третьем параграфе «Блок основного содержания отписок» представлены инвариантные модели блоков основного содержания всех типов отписок.

Инвариантная модель данного блока сопроводительных отписок включает семь формул: [*В нынешнем...годе в ...день*] + [*государю царю*] + [*били* (*бил*) *челом*] + [*подад челобитную* (или другой документ)] + [кто подад] + [о чем документ] + [*и я, холоп твой, послал под сею отпискою*]. Репрезентанты сопроводительных отписок – КСК: «*ту челобитную послал к тебе государю*», «*челобитную послал к тебе... под сею отпискою*», «*челобитную... подклея сию отписку, послал к тебе ко государю*»; «*И что, государь, те воровские самоядкие жонки в роспросе и с пытки сказали, и то, государь, писано под сею отпискою в роспросных и в пыточных речах*» [ОК, РГАДА, Ф.214]. Только в сибирских отписках выделен особый тип сопроводительных отписок, включающий КСК «*и мы, холопы твои, тою отписку послали к тебе, ко государю, под сею отпискою*»; в тексте одной отписки писец излагает информационно-отчет о предыдущих распоряжениях и отправляет эту же отписку как сопроводительную с другим деловым документом: «...*А какову, государь, отписку воевода князь Петр Ухтомский в Тоболеск писал, и мы, холопы твои, тою отписку послали к тебе, ко государю, под сею отпискою*» [ОК, РГАДА, Ф.214]. Только в отписке Тюменской воеводской канцелярии отмечено название документа *челобитень* («*я и челобитень 8 них не принимаю*»).

Инвариантная модель блока основного содержания отписок-сообщений включает пять формул: [отсылка к дате получения] + [указание на полученный документ] + [указание даты] + [о чем написано в документе] + [собственно сообщение: что известно адресанту по данному поводу]. Отсылка к дате получения отписки оформляется КСЛ «*В нынешнем во ... году в день ...*», например: «...*в нынешнем гдние во 175 м аvista в 4 день* | *приг*хали на Тюмень ...» [ГАТО, И-47, Оп.1, Д.14.]. Указание на полученный документ – КС «*по указу...*», «*и по грамоте...*», КСЛ «...*по моей отписке...*», КСК «...*подали письмо за своими руками. А в том письме написано: ... по указу...*», «...*а в отписке их написано...*». В некоторых отписках отсвествуют дата получения отписки, текстовые реминисценции.

В формуле – что известно адресанту по данному поводу – репрезентанты в отписках-сообщениях глаголы *сказать*, *сказывать*, *расспрашивать* в КСК «*сказываю*т де...», «*сказывал*, что...», «*расспрашивал* и пытал...», «*сказал*, что де...», «*а в роспросе сказали* де...», «*а в роспросе де...сказали, что*», «*сказывал* мне...слышал де он», «*сказывал* нам, холопом твоим...» (бессоюзная связь), «*сказывал*: видел де ... чаёт, что» (бессоюзная связь с союзная связь) + придаточное изъяснительное («...*посылаю* | он в станицу ката'ских казаков вверх» по Ис'фти для в 8те' про вои'ских люде' | к банширам | они де были в чети'рах деревнях башкирских и *сказываю*т де| они про вои'ских люде' не слышат |» [ГАТО, И-47, Оп. 1, Д. 14.]; «...а в с'шню изб'к ему Фсдору в роспросе *сказали* | нашли де на них на станы в ночи

воинские болшие| люди а их де татар тѣ воинские люди аграбили» [ГЛГО, Ф-И47. Он.1.Д.13.].

Точность изложения достигается указанием на дату и место происходящих событий; источник сообщения многократным употреблением в ДТГ отписок указательных местоимений (*те, тотъ, та, того* и т.д.), повторяющихся слов, словосочетаний, частей предложений; употреблением частицы *де*. В сибирских отписках-сообщениях адресант передает причину невыполнения распоряжения с помощью КСК «...вели, государь, свой государев указ учинить»: «...И кочевые де плотники Микифорко Мануйлов с товарыщи стоят на правеже, а с правежу сажает их в тюрьму, потому что поруки де по них нет, и денег на то кочевое дело не емят, потому что де им, плотникам, в ту цену тех кочей не сделать. И о кочевых, государь, кормицках и о знатцах, и о прибавочных людех, и о якорех, и о всяких судовых снастях, и о наемных прибавочных деньгах вели нам, холопом своим, свой государев указ учинить» [ОК, РГАДА. Ф.214].

Инвариантная модель блока основного содержания отписок-реакций включает три формулы: [мотивировочная часть: указание на полученный документ] + [отсылка к дате получения] + [собственно реакция: что сделано по данному распоряжению «послали мы, холоп твои», «велено нам, холопом твоим», «велел я, холоп твой»]. Репрезентанты в них – КСЛ, указывающие на полученный документ: «И твоему государеву указу ...», «И по нынешней твоей государевой грамоте....»; отсылающие к дате получения: «а в нынешнем, государь, во...году в ...день», «в прошлом, государь, во...году в ...день». В мотивировочной части отписок-реакций расположена развернутая текстовая реминисценция с причастиями полной и краткой форм (по отписке к твоему присланые ... в большу канцелярню приняты | и оные провожатые ис Тоболска отпущены на Тюмень). Собственно реакция в данных отписках реализуется репрезентантами – КСК «велено нам (мне)...» («велили ему...») или «велили мы, холопи твои»: «... А велили ему, Ивану, с служивыми людьми, пришед на Мутную и Зеленую реку, острог поставить где пригоже» [ОК, СПб., 1884. Т.2. № 15]. В отписках-реакциях при передаче информации важны точные сведения. Их актуализация достигается указанием на: адресанта (кто писал) «Да писал я, холоп твой, Юшко...», «писал я, холоп твой, Гришка» и т.д.; адресанта (кому велено произвести действия) «А велили ему, Ивану...»; «...писал я... к воеводе к Якову Колтовскому и после Якова Колтовского к нисьмянному голове к Григорью Семичеву» и т.д.; адресанта (какие действия велено произвести) «велили ему ...острог поставить...»; «...хлебные записи... велено отдати...»; «велили мы... рассматривте места... велили на том месте поставите острожек»; «...велили ему... проводить про немецких людей»; «...велел ... поставить, велел ... выбрать... и дал ...» и т.д.; адресанта (какие действия им произведены) «...И я уговаривал их всяко...»; «...посылал к ним...»; «...посылали мы... служивых людей...», «...отпустил я, холоп твой, за море...» и т.д. Отчет о действиях адресата с описанием отрицательного положения дел писцы заканчивали КСК «И мне бы в том от тебя, государь, в опале не быть»; «... И буде, государь, которыми мерами карабельный ход морем в Мангазею процветца, и мне бы в том от тебя, государь, в опале не быть» [ОК, СПб., 1875. Т.2. № 26].

Инвариантная модель блока основного содержания отписок-инициаторов состоит из трех формул: [мотивировочная часть: указание на полученный документ] + [изложение дела] + [собственно инициаторная часть: какие действия необходимо предпринять адресату или какие действия предпринять адресантом + просьба о

решении какого-либо вопроса (если есть)). Указание на полученный документ оформляется, как и в отписках-реакциях. КСЛ «И по твоему государеву указу ...», «И по нынешней твоей государевой грамоте...». Репрезентанты, передающие изложение дела адресантом: императивность происходившего через отрицательные характеристики речи; императивность происходившего через формы глаголов сослагательного наклонения в значении повелительного, например, «...и тебѣ б по[п]режнему и по се' моймъ отпи[с]камъ тюменскихъ дете' боярскихъ и конныхъ казаковъ выслатъ с' Тюмени въ Ялѣторовскую слободу» [ГАТО. Ф-И47. Оп.1. Д.20.]; «...Жить бы тебе в Мангазее... с великимъ бережениемъ, держатъ бы тебе караулы крепкие, и самому б тебе караулы досматривать в день и в ночь...И послатъ бы тебе людей добрыхъ...» [ОК, ДЛИ. С11б., 1851. Т.4. № 26.]; глаголы - инфинитивы с вопросительной частицей *ли (ль)* и наречиями (*где, поскольку, как* и т.д.) (*запасами посылать ли и ...людей давать ли, и где тех кормициков и знатцов имать*); распространенное личное обращение к адресату с просьбой о распорядительных действиях («и чтоб ты, государь царь и великий князь...всея Руси»; «и тебе б, господине, по указу великих государей велеть...»); с помощью кратких причастий с отрицательной частицей «не»; «не писано», «не написано». Необходимость выполнения той или иной просьбы в отписках-инициаторах реализуется репрезентантом – КСК «И о том вели нам, холопам твоим, свой государев указ учинить»: «...И о кочевых, государь, кормицках и о знатцах, и о прибавочных людех, и о якорях, и о всяких судовых снастях, и о наемных прибавочных деньгах вели нам, холопам своим, свой государев указ учинить» [ОК, РГАДА. Ф.214].

В мотивировочной части отписок-реакций используются конструкции с придаточными цели, причины: «... Да не токмо им ездити, ино б, государь, и руским людям морем в Мангазею от Архангельского города для немец ездить не велеть же, чтоб, на них смотря, немцы дорог не узнали, и приехав бы воинские многие люди сибирским городом какие порухи не учинил» [ОК, С11б., 1875. Т.2. № 26]; «И чтоб ты, государь...пожаловал..., потому что де в те поры, как кочи ходят в Мангазею, бывають у них лучшие рыбные промыслы, и чтоб им, ясным людем, в той подводной гоньбе от твоего государева ясаку не отбыть»» [ОК, РГАДА. Ф. 214].

Отписки смешанного типа (*политематичные*) в конце XVII – начале XVIII веков самые распространенные в эпистолярной коммуникации сибирских территорий. Представлен данный тип отписок различными комбинациями отписок-сообщений, отписок-реакций, отписок-инициаторов. Например, в отписке № 39 Обдорского края отмечаем комбинацию из трех типов отписок: сообщение + сообщение + сообщение и реакция + сообщение + реакция [ОК, РГАДА. Ф. 214]. Такой способ передачи разноплановой информации не используется адресантом намеренно: с целью максимально информировать адресата о событиях.

В четвертом параграфе «Заключительный блок отписок (конечный протокол, регистрация (если есть))» описаны инвариантные модели заключительного блока, состоящие из двух формул: конечный протокол: адрес отправления – приветствие адресанта (одно лицо или несколько лиц (если есть)) + регистрация документа (дата + «подат...» + антропонимическая двучленная модель наименования лица). Например, модель заключительного блока: конечный протокол: адрес-приветствие «Госдинъ кнзъ Андрею Афонасевичю» + регистрация «190го ноября въ 19 день податъ тѣрнско' стрелецъ Гитко Шенкинъ» [ГАТО. И-47. Оп.1. Д.167.]. В некоторых ДГТ отписок конечный протокол отсутствует; адресант указывает только регистрацию отписки: «на обороте помета: 134 г. июля в 16 день податъ тобольской пятидесятник

Остатка Онтонов» [ОК, СПб., 1884. Т.8. № 26]; В оформлении заключительного блока ДУТ отписок сибирских территорий выявлена общая формула: адрес-приветствие (если есть) + дата + «*подал...*» или «*А послана такова отписка...*» + двучленная антропонимическая модель наименования лица в именительном падеже. В отписках Обдорского края и Мангазеи адрес-приветствие отсутствует; если отписка смешанного типа заканчивается инициаторной частью без заключительного блока, то не используется КСЛ «*отписать тотчас*» («...и тебе б о том для ведомо ко мне *отписал тотчас с парочным гонцом*»); если отписка смешанного типа завершается инициаторной частью, то в заключительном блоке фиксируются КСК «*для ведомо отписать*» + «*А с сего, господине, отпискою отпущены к тебе*»; «*о том отписали*» + «*А послана такова отписка*»; если отписка смешанного типа заканчивается сообщением, то в ней присутствуют базовый глагол «*подал...*» или КСК «*А послана такова отписка...*»; если отписка смешанного типа завершается реакцией, то в данном случае присутствует базовый глагол «*подал*». Инвариантная модель заключительного блока скоростных отписок Тюменской воеводской канцелярии и ДУТ Бурятии включала формулу: адрес-приветствие (если есть) + регистрация (КСК «*отписка послана*» + «*отписку взял*» + «*ростписался*»; «*для верности приписал своею рукою*» + «*справил*»). В ДУТ сибирских отписок из Портфеля Миллера заключительный блок отсутствует. В ДУТ отписок центральной территории отмечена инвариантность формулы заключительного блока: адрес-приветствие (одно лицо); адрес-приветствие (несколько лиц) + дата + «*отписку подал*» + двучленная антропонимическая модель (имя собственное в именительном падеже); в ДУТ отписок южной территории представлены инварианты конечного протокола: дата + (глагол о доставке отписки отсутствует) + двучленная антропонимическая модель (имя собственное в творительном падеже с повторяющимся предлогом «с» и указанием социального статуса лица); дата + глагол о доставке отписки «*привез*» + двучленная антропонимическая модель (имя собственное в именительном падеже с указанием социального статуса и места проживания лица); дата + глагол о доставке отписки отсутствует + двучленная антропонимическая модель (имя собственное в творительном падеже с повторяющимся предлогом «с» и указанием места проживания лица). Отличительной чертой ДУТ всех типов отписок является обозначение писца в начальном блоке. В отписках КСЛ «*руку приложил*» или «*руку приложили*», традиционные для деловой речи, нами не обнаружены.

Формулярный анализ пяти типов отписок конца XVI – второй половины XVIII веков разных территорий показал: 1) наиболее стандартизированы начальный и заключительный блоки отписок; 2) блок основного содержания носит более свободный характер, так как ситуации, связанные с созданием документа, различны (используются различные способы грамматической организации – КС, КСЛ, КСК); специфика блока основного содержания определяется типом отписки, наличием в них перформативов и перформативных сочетаний; 3) каждый блок включает инвариантный набор формул и систему языковых репрезентантов.

В третьей главе «Репрезентация текстовых категорий в сибирских отписках конца XVI – второй половины XVIII вв.» рассматривается ДУТ как специфический текст, характеризуемый системой типологических текстовых категорий информативности и акцентности, диалогичности, пространства, времени и хронологии, цельности и связности, модальности (тональности).

В первом параграфе «*Репрезентация текстовых категорий информативности и акцентности*» отмечено, что во всех типах отписок *категорию информативности*

следует рассматривать в единстве с *категорией акцентности*, так как они взаимодействуют в тексте, отражая содержательную сторону – антропоцентричность модели мира.

Отписки обладают высокой степенью информативности и акцентности. В них присутствует фоновая (антропонимические характеристики лиц, указание на их место нахождения или проживания и т.д.) и новая (даты написания в начальном блоке; отметка о доставке документа в пункт назначения в заключительном блоке и т.д.) информация.

Коммуникативная цель определяет наличие в отписке необходимой для адресата информации. Разнообразны темы сибирских отписок (о социально-политической нестабильности в регионе: о нападениях и убийствах самосцами русских людей; о поимке аманатов и их обмене; описание заговоров и грабежей; о пожарах в Мангазее; об охране Мангазейского морского хода; о перевозке хлебных запасов в остроги; о сборе ясака и т.д.).

Лингвистическая информативность отписок определяется *антропонимическим пространством*, в котором *репрезентанты* – *антропонимические модели* наименования лиц («сильными людьми за ссыльными» людьми в провжажых тѣрских стрелъци Титко Щепкин да Никол Терентьевъ»; «ямскому вхотнику Елѣонѣ Метелевъ»; «тоболоскому юртовскому» служилому татарину Сабанаку Аветбакѣву»; ясажные татарова Кузе'ко Петеневъ с това'рыщи: Безпелнючко, Харва, Веня, Мауля (воры); пожекин Левка Иванов Шубин, прозвище Плехан; князец Молка, князеп Сатарка, роду Адеров сомоядин Тутчада, Харвин роду Лохсев, обдорского сомоядина роду Ивасиды Сензехома, Сендонима брат; сомоядин роду Ивасиды имяне Кыриа, Ямова брат и т.д.).

ТК информативности реализуется на уровне самоназвания делового документа «отписка»; при помощи *репрезентантов уточнения* – базовых глаголов *писать*, в КСК «*писали мы, холопи твои*» + «о чем?» (возможно с предлогом «про»), например, в составе сложноподчиненного предложения с изъяснительным придаточным: «*Писали мы, холопи твои, про дороги с моря в Мангазею..., что ходят... в Мангазею...*» [ОК, СПб., 1875. Т.2. № 26]; *сказать* (сказывать) в КСК «сказывал, что...», «сказываю де...», «сказывал нам, холопом твоим:...» (бессоюзная связь); *распрашивать* («*распрашивал*») в КСК «*распрашивал и пытал...*, *сказал, что де...*», «сказывал мне... слышал де он», «сказывал: видел де ... чаёт, что» (бессоюзная связь + союзная связь). ТК информативности и акцентности репрезентируются КСЛ «*отписать тотчас*», «*отписать тотчас наскоро*» со значением потенциального действия: «*воевода... к нам, холопом твоим отпишет, и мы, холопи твои, к тебе, государю и великому князю... всея Руси, к Москве отпишем тотчас*» [ОК, СПб., 1875. Т.2. № 26] и т.д.

Репрезентанты усиления (указательные местоимения *те, тотъ, та, такие*) активизируют внимание адресата и подчеркивают коммуникативно значимые фрагменты текста: «...и тебе ѿ велье тех ясачных людей тем березовским служилым людям в тех волостях *распрашивать, где те ясачные остяки... и скоро ль те ясачные остяки в волости будут, и остались ли тех ясачных остяков в тех волостях жены их и дети?*» [ОК, ДАН, СПб., 1851. Т.4. № 26].

Для ДТГ отписок свойственен тип речи повествование, предполагающий не только описание событий, но и содержащий императивные характеристики («...Да нам же, холопом твоим, *сказывал Кондранка Курочкин, что немцы ходят из своих земель по вся годы многими корабли для промыслу на острова на Новую Землю... И*

будет, государь, те оба ходы проведают немцы и учнут приходить в Монгазею многими кочами и корабли, и о том вели нам, холопом своим, свой государев указ учинить: велеть ли им торговать?» [ОК. СПб., 1875. Т.2. № 15]).

Точность изложения достигается повторами одних и тех же слов, преимущественно терминов или слов с терминологической семантикой, например: «По указу Великого Гедря прих»; «твоя государева грамота»; «по уштинскѣ твое»; «челомъ бьетъ» «холопи твои»; «холоп твой» и т.д.

Детализация событий передается синтаксическими конструкциями, включающими однородные и обособленные члены предложения: «...В прошлом де во 174-м году у него, Толки, самоюдь с остяками сына его Талыки убили до смерти, наружая на д ним, пересекли его паторое, и жену и сына его, и животы две кости мамонтовы, тридцать песцов ростых юк ровдужной, два волка, пятнадцатъ постель, девять кровель, два чума, пятьдесят оленей два невода две однорады взяли себе» [ОК. ДАН. СПб., 1862. Т.8. С. 167 – 168.] и т.д.

Более информативными являются описки-сообщения и описки-реакции. Максимальное количество информации с различной коммуникативной заданностью содержится в описках смешанного типа, состоящих из описок-сообщений и описок-реакций.

Во втором параграфе «Репрезентация текстовой категории диалогичности» представлены репрезентанты ТК диалогичности: КСК, включающие реминисценции («а в той твоей государеве грамоте писано», «а в описке | твое» написано», «в наказной памяти написано» и т.д.); КСК «вели свой государев указ учинить» в вопросительном предложении: «...Да нам же, холопом твоим, сказывал Кондрашка Курочкин, что немцы ...и о том, холопом своим, вели свой государев указ учинить: велеть ли им торговать?» [ОК, ДАН.СПб., 1851. Т.4]; косвенная речь (с использованием сложноподчиненных предложений, чаще с придаточными изъяснительным, с частицами *де, же* в качестве частиц субъективной передачи чужой речи): «...и он де им сказал..., они де от тех татар бежали и переплыли Ичим реку, а те де татарове, гонив за ними, у Ичима стали за ними» [ИМ. Т.2. С.184, ААН. ф. 21, оп. 4, № 5] и т.д.

В описках адресант, предвзята ситуацию невыполнения распоряжения, вступает в диалогические отношения с адресатом: «...Да в нынешнем же во 176-м году февраля в 20 день пришли под Пустозерский острог с Оби те же остяки..., и русских людей нагожили на озере на рыбной ловли и пограбции... И я посылал к ним самоюдского данного целовальника Гараска Павлова да Стеньку Безумова и велел их уговаривать и призывать[ОК, ДАН. СПб., 1855. Т.5. С. 375 – 377].

ТК диалогичности реализуется во всех типах описок: в большей степени – в описках-инициаторах, описках-реакциях, описках смешанного типа, состоящих из описок-инициаторов и описок-реакций.

В третьем параграфе «Репрезентация текстовых категорий пространства, времени и хромотона» описаны в ДТГ описки репрезентанты ТК пространства, времени и хромотона: темпоральные лексемы и словосочетания (дата написания и отправки описок; дата совершившихся фактов и событий; собственные имена существительные, обозначающие известных лиц (лиц царской семьи, губернаторов Сибири, воевод, архиепископов)); грамматические средства (глагольные формы в настоящем и прошедшем времени изъявительного наклонения; в описках-инициаторах глагольные формы будущего времени + глагольные формы сослагательного наклонения в значении повелительного наклонения); топонимы;

гидронимы (р.Таз, Обская губа, р.Пудуй и т.д.); инсудонимы (о.Пуровской, о.Тресковой и т.д.); ойконимы (г.Надым, Мангазейский город и т.д.); хоронимы (Куновская волость, Котцкая волость и т.д.); оронимы (Тиунский берег, берег Бурло и т.д.); агитопонимы (церковь Успения Пречистые Богородицы, Спасобогоявленский монастырь и т.д.); лексика, отражающая особенности жизни и быта в Сибири (мяккая рухлядь, паточкины, яриик, кочи и т.д.).

Репрезентанты ТК пространства – синтаксические конструкции, передающие пространственные характеристики с обстоятельством уточнением: «...по отписке твоей присланной с Тюмени омско^ю кр^епости | ссылно^ю члвкъ Логинъ Посн^{ков} у посылщика у тюменского ямщика у Ивана Молчанова в Тоболску в 18б^{ернски} канцелярии принять |» [ГАТО, II-47, Оп.1. Д.4576]; «вел^елъ | я на Тюмени в тюменском 8^езде выделять на| великого гсд^{ря} выделить^ю | хл^бъ с тюменских со^ве^тских чинов люде^ю с ково^ю доведет^{ся} потому ево^ю Осина и не выслат в Тоболескы» [ГАТО, II-47, Оп.1. Д.225.] и т.д.

Ориентация коммуникантов во времени и пространстве происходит благодаря ТК хронотона. Хронотоп «я (мы) – здесь – сейчас» реализуется в сопроводительных отписках (сопровождается какой-либо документ в настоящем времени); в отписках-сообщениях (события совершаются, адресант сообщает о них адресату сейчас, т.е. в настоящем времени); в отписках-реакциях (адресант выполнил поручение и пишет о нем адресату сейчас, т.е. в настоящем времени). Хронотоп «я (мы) – здесь – тогда» реализуется в отписках-сообщениях (события совершились в прошедшем времени). Хронотоп «я (мы) – здесь – потом» реализуется в отписках-реакциях (адресант не выполнил поручение и выполнит в будущем времени); в отписках-инициаторах (адресант призывает адресата к действиям в будущем времени).

В четвертом параграфе «Репрезентация текстовых категорий целостности и связности» характеризуется деловой эпистолярный текст отписок конца XVI – второй половины XVIII вв. как цельная единица эпистолярной деловой коммуникации. Смысловая целостность ДТГ отписок заключается в единстве их темы. В отписках адресант, начиная с заголовка в тексте, традиционно задает начальное положение дел, далее вводит объекты с их описанием или устанавливает причинно-следственные связи совершившегося, в конце, как правило, указывает на первоначальное положение дел.

В ДТГ отписок выделяются репрезентанты начала и конца текста. В начальном блоке формуляра отписок фиксируются: дата написания (указывается в начале заголовка или в конце заголовка с самоназванием); обозначение адресанта, пункт получения или обозначение адресата; обращение к адресату (как правило, этикетное в зависимости от титула).

Репрезентанты ТК целостности и связности в начальном протоколе ДТГ отписок сибирских территорий – однородные формулы обращения к адресату («Государю царю и великому князю ... всеа Русии» (в отписках по вертикали власти), «Государю царя и великого князя ... всеа Русии воеводе» (в отписках по горизонтали власти)): «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоти твои Максимко Стрешнев, пообычей Максимко Лихачов челом бьют...» [ОК, ААН. Ф. 21, оп. 4, № 2]; «Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе князю Семену Ивановичю Енисейсково острогу...» [ИМ, Т. 3, С. 163; Ф. 21, Оп. 4] и т.д.

В заключительном блоке к репрезентантам ТК целостности и связности отписок относятся: адрес отправления-приветствие адресату (одно лицо или несколько лиц

(если есть)): регистрация документа: дата + «*подал...*» + антропонимическая, двучленная модель наименования лица.

К репрезентантам внутритекстовой связи, зависящим от содержания описок и обеспечивающим внимание адресата, относятся названия документов; повторы КСК: в сопроводительных описках – КСК «*тое отписку послали к тебе*», «*что ты, государь, укажешь*»; в описках-реакциях – «*велено мне...*» («*велили ему...*»); в описках-инициаторах – формы глаголов с ирреальной модальностью; в описках-сообщениях – КСК «*писали мы, холопи твои*», «*сказывают де...*».

К репрезентантам ТК цельности и связности, служащим логическому повествованию и значимым не только для адресата, но и для самого адресанта, относятся: указательные местоимения *тотъ, та, те, те*, + притяжательные местоимения *твой, твои* + союзное слово *который*: «... та твоя государева грамота прислана к нам, холопом твоим, в Тоболск позно и твоих государевых хлебных запасов ...делать было некому. А которые, государь, твои государевы хлебные запасы были, и те твои государевы хлебные запасы вышли все в расход твоим государевым служилым людям на жалованье, которые служилые люди посланы на твою государеву службу...» [ОК РГАДА. Ф.214.] и т.д.; косвенная речь (сложноподчиненные предложения, чаще с придаточными изъяснительными, с частными *де, же* в качестве частиц передачи чужой речи): «... А он же де, Анка, с пытки говорит, что... де лета будет под Тоболск... и тобольские де татаровя договорились... а Березовской де город взяв, быть» [ОК, ДАН. СПб., 1851. Т.4. С.297 – 312]; анафоры (левосторонние сигналы структурной целостности между предложениями [Москальская 1981]) с союзами *да, и, а* и частными *де, же*, например, по следующей формуле: *А же ...+ Да... же... де + А де ...+ и де ...+а...+и... де +и... де + И... де +а...+А...+ Да же де ...+а... де + И...де...* и т.д. («*А в тот же день преж ево приехали... Да с ним же были пять человек... А приезжал де тот к ним... и призвали де ево те служилые люди... а велили ему... и от того де ему дали... и он де им толмачил. И в де те поры они... а князя муку поехали... А драки меж служилых... Да тот же де Харва приезжал с товарищи, а он де в те поры был...*» [ОК, РГАДА. Ф. 214]).

Репрезентантам ТК цельности и связности сибирских описок – антропонимические модели, намеренно повторяемые адресантом: «...писал я, холоп твой, Гришка на Тюмень к воеводе к Якову Колтовскому и после Якова Колтовского к письмянному голове к Григорью Семичеву... И я, холоп твой, Гришка той же час на Тюмень к письмянному голове к Григорью Семичеву писал же, а велел я, холоп твой, Гришка на то все кочевое дело лес готовить ...» [ОК, РГАДА. Ф.214]. В описках центральной и южной территорий ТК цельности и связности проявляется в намеренном повторении КСЛ «*холопи твои*» или «*холоп твой*», «*миг холопу твоему*»: «...холоп твои Митка Овцын челом бие... ко миг холоп твою приходил ...миг холопу твоему не скажат... миг холопу твоему принести писмо... и я холоп твои то писмо велел...ко миг холопу твоему пришло... и я холоп твои того никотского пона Ивана велел» [ПВ. С.221; ЦГАДА, ф. 210] и т.д.

В ДТГ описок ТК цельности и связности проявляются одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности, которые соотносятся как форма, содержание и функция.

В пятом параграфе «Репрезентация текстовой категории модальности (тональности)» утверждается, что в ДТГ описок по горизонтали и по вертикали власти нашли отражение социально-ролевые установки адресанта и адресата с

доминированием волеизъявительного компонента в них в большей или меньшей степени.

В ДГТ отписок содержатся следующие оценки: прагматическая оценка – репрезентанты – сочетания с модальным значением *хороший (лучший), добросовестный / недобросовестный* («добрых людей», «лучших людей» («...послать бы тебе из Мангазеи мангазейских служилых людей добрых, а не ясачных сборщиков» [ОК, ДАИ.С16., 1851. Т.4. С. 297–312]); нормативная оценка: правильно / неправильно с репрезентантами – глагольными формами: «...И от того де их насильства разорения они, пустоозерская самаюдь, обедняли и осиротели, и промышлять на тундоре не смеют, и дани платить им нечем» [ОК, ДАИ.С16., 1855. Т.5. С.375 – 377]; «А велик ты гедрь мигъ холопу своему стрельцов от воровства уимат и ат обиды береши и стрелом гедрь абнда великая от детей боярских и от черкас...» [ПЮ, С. 51.; ПГАДА ф.141. 1594 г. №1.] и т.д.; телеологическая оценка с модальным значением *эффективности и целесообразности* («казне учинилась поруха и убыль великая», «в посылках истерия будет», «в посылках истерии не было»); логическая оценка: оценка достоверности (репрезентанты – модальные частицы *де, же* в чужой речи; тропы «убили до смерти», «заморили до смерти»); аксиологическая оценка: прилагательное *добрый* («...река добре мелка» [ОК, ДАИ.С16., 1851. С.71 – 76]; «...всякие судовые снасти давали добрые»; «...и те кочи велеть делать в добром и сухом лесе»; «...не испустя летнего морского раннего доброго ходу» [ОК, ПГАДА, Ф 214]; «...и за ними де приехали позоню татар 7 человек, люди нарядные, и лошади все и платье на них доброе» [ИМ, Т.2. С.183, ААН. ф. 21, оп. 4, № 5.]); наречие *здорово* («... и тем морем до Мангазеи дохаживали здорово» [ОК, ПГАДА, Ф 214, С16. 123]; наречие *мало* с модальным значением *хорошо* («...и Илья с товарицы от тех тундусов шли по Лене реке ...лять неделю, мало голодною смертью не померли» [ИМ, Т.3. С.153; ф. 21, оп. 4, д.22]; «...и многие служивые люди... под заводами мало не перетонули» [ИМ, Т.3. С.164. ПФА РАН. ф. 21, д.22]); количественная оценка: прилагательное *крепкий* с значением *прочный*: «...и на остроге бы у меня караулы были крепки и не оплошны» [ИМ, Т.2. С.221, ААН. ф. 21, оп. 4, № 5]; «...выбрав же крепкое место, и поставить острог» [ИМ, Т.3. С.170. ПФА РАН. ф. 21, оп. 4, д. 22]; наречие *мало* со значением *немного* («...и промышленные люди от Микиты и от служивых людей насильства и грабежа промышляли мало» [ИМ, Т.3. С.132, ПФА РАН. ф. 21, оп. 4, д.22]; «... государева жалованья, вина, и запасу, и олова, и одякую, послано со мною мало» [ИМ, Т.3. С.167. ПФА РАН. ф. 21, оп. 4, д.22]); намеренный повтор однокоренных слов в синтаксических конструкциях с модальным значением усиления действий, («...и будучи такова воровского заводу не заводить и из енисейского острогу никуды не сбежать» [ИМ, Т.3. С.134, ПФА РАН. ф. 21, оп. 4, д.22]; «...и он слеп и увечен, и твои государевы некоторые службы служить не может» [ИМ, Т.2. С.216, ААН. ф. 21, оп. 4, № 2]).

Только в ДГТ сибирских отписок обнаружено КС1 «государским счастьем» с модальным значением вассальской преданности государю, например: «...и я хочу у Бога милости проищать...и государским счастьем аманатов взять» [ИМ, Т.3. С.155, ПФА РАН. ф. 21, оп. 4, д.22]; «...в новых землях государским счастьем енисейские служилые люди остроги поставят» [ИМ, Т.3. С.158, ПФА РАН. ф. 21, оп. 4, д.22]; намеренное употребление глаголов *послужить, порадеть* + КС1 «под твою царскую высокую руку» («...и мне бы, твоему холопу, с теми новоприбылыми служивыми людьми тебе, государю, послужить, порадеть, новые землицы приводить

под твою царскую высокую руку и ясаку збирать» [ПМ, Т.3. С.168. ПФА РАН. ф. 21, оп. 4, д.22]).

Объективность, реальность, точность, конкретность, текстовое пространство, время и хронология, прагматическая направленность ДЭГ обеспечивают их цельность и связность. ДЭГ отписок антропоцентричны и находят выражение в рассматриваемых ТК. Большая степень экспрессивности отличает отписки-инициаторы и отписки-реакции. Наиболее информативны отписки смешанного типа. Диалогичность, цельность, связность присущи всем выявленным типам отписок.

В Заключении сформулированы основные результаты исследования. Сибирские отписки конца XVI – второй половины XVIII вв. отражают процессы нормирования русской деловой речи. Значительные различия в наполнении формул языковым материалом (варианты) в отписках разных территорий связаны с изменениями двух типов: экстралингвистическими (типом канцелярии; факторами удаленности сибирских территорий и увеличением времени прохождения ДЭГ в документообороте; близостью к Москве центральной и южной территорий; существенными изменениями в самом содержании ДЭГ отписок) и собственно языковыми, которые были предопределены традициями делопроизводства в учреждениях отдельных территорий и текстовой компетентностью адресантов. Сибирские отписки конца XVI – второй половины XVIII вв. характеризуются особой модальностью. Индивидуальные интенции коммуникантов способствовали «размытости» жанровой семантики ДЭГ отписок. Для дальнейшего существования жанра отписок в документообороте оказалось недостаточно ярко выраженных клишированных конструкций.

Перспективным считаем изучение эволюции жанра отписки, других жанров ДЭГ, разработку проблематики русской деловой эпистолярной речи в целом.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих опубликованных работах автора:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Руднева, С.Ф. Репрезентация языковой личности через текстовую категорию пространства делового эпистолярия XVII века (на материале отписок Сибирского приказа) [Текст] / С.Ф.Руднева // Вестник Университета Российской академии образования. – М., 2009. – № 3. – С. 16 – 18 (0,2 п.л.).
2. Руднева, С.Ф. Отписки XVII века как лингвистический источник (на материале отписок Сибирского приказа) [Текст] / С.Ф.Руднева // Вестник Университета Российской академии образования. – М., 2009. – № 4. – С. 42 – 45 (0,3 п.л.).
3. Руднева, С.Ф. Особенности формуляра отписок XVII века (на материале отписок Сибирского приказа) [Текст] / С.Ф.Руднева // Вестник Университета Российской академии образования. – М., 2009. – № 5. – С.21 – 25 (0,3 п.л.).

Другие публикации:

1. Руднева, С.Ф. Отписки как объект лингвистического исследования (на материале деловых документов Обдорского края и Мангазей XVII века) [Текст] / С.Ф.Руднева // Актуальные проблемы лингвистики: Сб. ст.г. Международной

- межвузов. науч. конф. (Сургут, 28 марта 2008 г.) / Отв. ред. Н.Н. Парфёнова. – Сургут: РИО СурГУ, 2008. – Выпуск 2. – С. 168 – 173 (0,4 п.л.).
2. Руднева, С.Ф. Проблемы изучения языка деловой письменности в научных воззрениях В.В.Виноградова [Текст] / С.Ф.Руднева // Социально-экономические, правовые и культурно-исторические аспекты развития нефтегазового региона: Сб. материал. Всероссийской научно-практ. конф. (Нижевартовск, 18 апреля 2008 г.) / Отв. ред. Н.В.Фролова. – Нижевартовск: Изд-во НГТУ, 2008. – С. 161 – 167 (0,4 п.л.).
 3. Руднева, С.Ф. Отписки и их место в старорусской деловой письменности (на материале деловых документов Обдорского края и Мангазеи XVII века) [Текст] / С.Ф.Руднева // Шатиловские чтения: Сб. материал. XII краевед. конф. (Нижевартовск, 5 ноября 2008 г.) / Отв. ред. Л.Е.Ковалева. – Управление культуры администрации МО г.Нижевартовск; МУ «БИС»; НГТУ : Изд-во НГТУ, 2008. – С. 123 – 128 (0,4 п.л.).
 4. Руднева, С.Ф. Презентация языковой личности в деловой письменности XVII века (на материале отписок Сибирского приказа) [Текст] / С.Ф.Руднева // Гуманитарная наука сегодня: Сб. материал. Международной науч. конф. (Караганды, 2 марта 2009 г.) / Караганды, 2008. – С. 168 – 173 (0,4 п.л.).
 5. Руднева, С.Ф. Формуляр отписок Московского государства XVII века [Текст] / С.Ф.Руднева // Актуальные проблемы лингвистики: Сб. стат. Международной межвузов. науч. конф. (Сургут, 27 марта 2009 г.) / Отв. ред. Н.Н. Парфёнова. – Сургут: РИО СурГУ, 2010. – Выпуск 3. – С. 100 – 113 (0,8 п.л.).
 6. Руднева, С.Ф. К вопросу о жанровой классификации старорусской деловой письменности [Текст] / С.Ф.Руднева // Русский язык: система и функционирование: Сб. материалов IV Междунар. науч. конф., Минск, 5 – 6 мая 2009 г. В 2 ч. Ч. 1 / Беларус. гос. ун-т; редкол.: И.С.Ровдо (отв. ред.) и др. – Минск: РИВШ, 2009. – С. 95 – 99 (0,3 п.л.).
 7. Руднева, С.Ф. Сибирские отписки в деловой коммуникации XVII века: традиции и новации жанра [Текст] / С.Ф.Руднева // Изменяющийся славянский мир: новые решения в когнитивной лингвистике: Сб. стат. / Отв. ред. П.М. Пименова. – Севастополь: Рибзет, 2009. – Выпуск 2. – С. 407 – 412 (0,4 п.л.).
 8. Руднева, С.Ф. Языковая личность в социокультурном пространстве (на материале отписок Сибирского приказа старорусской письменности) [Текст] / С.Ф.Руднева // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальной контексте Евразии: Материалы II Международного конгресса / Отв. ред. Н.Ж.Шаимерденова. – Астана, ИД «Сарыарка», 2009. – С. 301 – 306 (0,3 п.л.).

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 08.11.2010. Формат 60х84/16

Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура Times

Усл. печ. листов 1,4. Тираж 100 экз.

Отпечатано в Издательстве

*Нижевартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Державинского, 11*

